Рецензии • Revisión

Каудильизм в Латинской Америке: возвращение после забвения

Н.Ю. Кудеярова<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-3-101-107>

Кудеярова Надежда Юрьевна, к.и.н., ведущий научный сотрудник Института Латинской Америки РАН, Москва (Россия)

E-mail: n.kudeyarova@yandex.ru

Для корреспонденции: 115035, Россия, Москва, ул. Большая Ордынка, 21/16

Для цитирования: Кудеярова Н.Ю. Каудильизм в Латинской Америке: возвращение после забвения. *Иberoамериканские тетради*. 2020, 8(3): 101-107. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-3-101-107>.

Рецензируемое издание: Дабагян Э.С. Венесуэла: движение по спирали. – М.: ИЛА РАН, 2020. – 76 с.

Материал поступил в редакцию: 30.11.2020

Принят к публикации: 29.12.2020

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

В январе 2020 г. вышло в свет новое исследование известного российского латиноамериканиста Эмиля Суреновича Дабагяна. Эта книга – «Венесуэла: движение по спирали» – стала важным событием, приуроченным к значимой дате – 85-летию ученого. Э.С. Дабагян относится к числу исследователей, составивших научное ядро Института Латинской Америки РАН с первых дней его основания в 1961 г. На протяжении долгих лет магистральной темой исследований Э.С. Дабагяна была Венесуэла. Его труды – монографии и статьи – стали для многих молодых ученых первыми страницами, знакомившими их с этой страной.

Для работ Э.С. Дабагяна характерен объемный взгляд на события. Помимо социальных основ политических процессов, для него чрезвычайно важно понимание роли личности, характеров политических лидеров, находившихся у власти в ключевые моменты современной истории. Сам юбиляр за годы плодотворной работы выработал самобытный стиль подачи материала. Он является активным поклонником живого, актуального жанра политического портрета. Под его пером ожили биографии президента Чили Рикардо Лагоса, уругвайца Табаре Васкеса, первой женщины-президента Чили Мишель Бачелет, аргентинского президента Нестора Киршнера, перуанца Ольянты Умалы, кубинского лидера Рауля Кастро и других знаковых фигур Латинской Америки.

Многолетним центром исследовательского интереса для Э.С. Дабагяна был венесуэльский президент Уго Чавес. Это нашло отражение в биографическом исследовании «Уго Чавес. Политический портрет», изданном в 2005 г. Важной составляющей работ Э.С. Дабагяна был анализ философии «социализма XXI века» – новой платформы социально-экономического развития, нацеленной на устранение многолетнего неравенства в Венесуэле. Но изначальная вера в плодотворность выбранного пути постепенно стала сменяться критическим осмыслением избранных стратегий и имевшихся результатов.

Вышедшая в январе 2020 г. книга по-новому разворачивает широкий пласт политической истории Венесуэлы. Сквозной темой нового издания стал один из специфических феноменов жизни латиноамериканских стран – каудильизм (от испанского слова *caudillo* – вождь). В этом труде сошлись воедино основные научные приемы, отличающие стиль ученого, – исследование личностного аспекта латиноамериканской политики и ретроспективный анализ, позволяющий лучше увидеть истоки современных тенденций.

Книга состоит из восьми глав. В них рассматриваются общие черты каудильизма и особенности его развития. В рецензируемой работе предпринимается анализ нескольких исторических периодов, принципиально важных для понимания политической истории Венесуэлы. Исследование начинается с диктатуры Хуана Висенте Гомеса (1908–1935), проходит через процесс демократизации страны (1946–1952), военно-полицейский режим Маркоса Переса Хименеса (1952–1958), сорокалетний период представительной демократии и завершается обзором практики построения «социализма XXI века» Уго Чавеса (1999–2013) и его преемника Николаса Мадуро (с 2013 г.).

Отправной точкой исследования Э.С. Дабагяна стало рассмотрение авторитаризма как политического режима, основанного на сильной персонализированной власти одного человека или группы лиц. Он отмечает, что в Венесуэле «авторитаризм обрел специфическую форму каудильизма» (с. 7). Это отчасти уже забываемое понятие автор относит к числу сугубо латиноамериканских явлений, которое связано «с выдвиганием на политическую арену сильной личности, пользующейся неограниченной властью в той или иной сфере, ... со временем это понятие превратилось в синоним непререкаемого лидера, безраздельно доминировавшего на определенной территории, а затем расширилось и стало означать авторитарного правителя, подавляющего свое окружение» (с. 7). В авторской постановке одним из основных чаяний автократа становится продление своей власти вне зависимости от законодательных ограничений. Таким образом, речь шла о выстраивании особой системы правления, характеризующейся персонализацией власти.

Обращаясь к этой теме, Э.С. Дабагян напоминает современному читателю основные тезисы работы «Демократический цезаризм» Лауреано Вальенильи Ланса, венесуэльского политического деятеля эпохи Х.В. Гомеса. Как отмечал А.Ф. Шульговский, один из основоположников отечественной школы социально-политических исследований Латинской Америки, единомышленник и старший товарищ Э.С. Дабагяна, книга Вальенильи Ланса стала своего рода «евангелием» не только для диктаторов Венесуэлы, но и для всех латиноамериканских тиранов¹. Основы каудильизма в Венесуэле, по мнению Э.С. Дабагяна, были заложены в период правления диктатора Х.В. Гомеса, характерной чертой которого был ярко выраженный авторитаризм. Начало добычи нефти в 1920-е гг. вело к утрате страной сельского уклада и предвосхищало ее стремительный прыжок в новый индустриальный мир добычи сырья. Сама диктатура Гомеса «теряла свой "патриархальный"» характер, становясь орудием защиты интересов иностранных компаний» (с. 19). С тех пор именно нефть стала влиять на развитие политической философии народа и власти.

Современные исследования отмечают удивительную взаимосвязь нефти и политики, порождающую эффект «ресурсного проклятия». Оно определялось как «совокупность негативных эффектов, проистекающих из обладания той или иной страной естественными богатствами и сказывающихся на ее экономическом, социальном или политическом развитии»². Американский ученый Майкл Росс утверждает, что современ-

1 Шульговский 1967, 109–110.

2 Росс 2019, 36.

ной политической наукой «собраны убедительные доказательства того, что обладание определенным видом природных богатств, прежде всего углеводородным, влечет за собой как минимум три негативных эффекта: оно укрепляет жизнеспособность авторитарных режимов, способствует распространению определенных видов коррупции и повышает конфликтный потенциал стран с низким и средним доходом»¹. При этом в стране со слабыми демократическими традициями наличие нефти ведет к негативным политическим последствиям, укреплению сырьевой зависимости и усилению ее влияния на качество политического и экономического управления. Представляется, что синхронизация во времени диктатуры Гомеса и начала нефтяной эры в Венесуэле заложили основные направления долгосрочного политического развития страны.

Незрелость латиноамериканских демократических режимов столетней давности создавала почву для патерналистского типа взаимодействия между обладавшей властью элитой и остальными слоями общества. Размышления о том, что только мудрый правитель мог покончить с хаосом деятельности политических партий, а чуждая стране англо-саксонская модель демократии вынуждала искать свой путь с учетом исторических особенностей, легли в основу политической философии венесуэльских режимов первой половины XX в. Как следствие, сдерживать стихию анархии и хаоса могла только «сильная личность, вышедшая из народа, но возвышающаяся над ним и устанавливающая авторитарные нормы правления, своего рода «необходимый жандарм», «демократический цезарь» (с. 12). Автор книги приводит цитату из знаковой работы Вальенилы Ланса о том, что «социальный порядок, стабильность, прогресс и экономическое процветание могут быть гарантированы длительным пребыванием у власти влиятельной личности, сознающей нужды народа, устанавливающей мир во всеобщем согласии, личности, которую воля большинства ставит выше принципа сменяемости руководства» (с. 9). Этот характерный для патерналистской объективации образ «несмысленного» народа, желание лишить политической субъектности граждан страны во имя его воображаемого счастья будет не раз воспроизводиться в латиноамериканской истории.

В разговоре о каудильизме важное место занимает вопрос о законодательных основах государства и режима: чем более незыблемы Конституция и электоральные законы, тем меньше вероятность появления персоналистского режима. В противовес устойчивым законодательным основам каудильизм основывается не на силе закона, а на законе силы. Как следствие сопутствующим явлением становится гипертрофированная роль военных, ведь для решения проблем «каудильо прибегает к путчам и переворотам, зачастую именуемым “революциями”» (с. 13).

В Венесуэле ослабление персонализма и шаги в направлении демократизации были сопряжены с выходом на политическую арену партии «Демократическое действие» (Acción Democrática, AD) и ее лидера Помуло Бетанкура. Государственный переворот 18 октября 1945 г., приведший к захвату власти AD, ставил целью «передачу народу его суверенитета». В 1946 г. были проведены выборы, оформившие избирательными процедурами приход к власти новой партии. Однако первый опыт демократизации был неоднозначным. Устоявшаяся политическая культура способствовала усилению роли военных. Начатые реформы спровоцировали сопротивление, что привело к военному перевороту 1952 г. Тем не менее, по мнению Э.С. Дабагяна, «короткий демократический период в развитии Венесуэлы стал школой воспитания широких масс, получивших бесценный опыт» (с. 29).

Во время военно-полицейской диктатуры М. Переса Хименеса (1952–1958) возрождались к жизни ушедшие в недалекую историю патерналистские традиции. Концепция «необходимого жандарма», оправдывавшая террор как средство укрепления

порядка, вновь делала граждан объектом «воспитательных» практик. Восстановление персонализма шло на базе представителей тех же социальных кругов, что и диктатура Х.В. Гомеса. Однако герметичный режим построить не удалось, «опорой власти стала нефтяная олигархия, тесно связанная с иностранным капиталом и зависящая от нее» (с. 30). Реализация инфраструктурных проектов в строительстве, попытки модернизации системы образования были важны, но не приводили к стабильности режима. Попытка проведения плебисцита привела к провалу и новому военному перевороту.

В своей книге Э.С. Дабагян уделяет внимание важному этапу жизни Венесуэлы, который формально не был связан с заявленной базовой проблемой. Представительная демократия во многом противопоставляется как политическая модель феномену каудильизма. Автор рассматривает поэтапное восстановление демократического режима, деятельность партий и проведение электоральных процедур. Однако глубинные традиции политической культуры невозможно было изменить за короткий срок, ведь основные лидеры оставались носителями этих же норм и правил. Как отмечает автор, «при номинальном соблюдении политического плюрализма на практике существовала двухпартийная модель при доминировании одной партии, что впоследствии породило проблемы, ставшие основной причиной системного кризиса» (с. 36).

Политические традиции стран региона в XX в. стали благодатной почвой для процветания разных форм каудильизма. В какой-то момент могло показаться, что эпоха военных диктатур как «чистой» формы авторитаризма механизировала насилие и существенно изменила каудильизм, фактически убрав его с исторической сцены. Казалось, что последовавшая волна демократизации, охватившая континент в 1980-х гг., оставит в прошлом и авторитарные модели власти¹. Однако во многом именно демократические инструменты стали платформой для оформления новых проявлений каудильизма. Предваряя современные течения «практической политики», Э.С. Дабагян обращается к словам лидера борьбы за независимость Латинской Америки Симона Боливара. Выступая 15 февраля 1819 г. на конгрессе в Ангостуре, он говорил: «Нет ничего опаснее, чем позволить одному и тому же человеку оставаться у власти продолжительное время. Народ привыкает повиноваться, а он привыкает им командовать. Отсюда возникают узурпация и тирания» (с. 17). В XXI в. эпистолярное наследие С. Боливара стало одним из источников разнообразных цитат, а фигура Освободителя – символом противоречивых политических начинаний.

Появление на политической арене группы молодых военных, возглавленных Уго Чавесом, стало ответом на ухудшение экономической ситуации в Венесуэле. Анализ взлета и политической траектории Уго Чавеса становится одной из ключевых частей книги. Автор отмечает, что новый лидер страны оценивал «предшествующие сорок лет демократии потерянными для истории», а принятую тогда (1999 г.) Конституцию «умирающей» (с. 38). Нестабильность базового законодательного уложения страны во многом отражала подверженность политической жизни Венесуэлы персоналистским устремлениям. С 1811 г. в стране были приняты двадцать четыре конституции: за двадцать семь лет диктатуры Х.В. Гомеса их было принято шесть, а во второй половине XX в. – три. Конституция, принятая в 1999 г. и существующая ныне в редакции 2009 г., сменила документ, действовавший с 1961 г. – наибольшее число лет за историю государства. Это был период сложного демократического представительства, просуществовавшего на стабильной конституционной базе. Конституция 1999 г. меняла композицию основных ветвей власти: изменения касались законодательного органа, ставшего однопалатной Национальной ассамблеей; был сделан выбор в пользу непосредственного переизбрания президента и увеличен срок полномочий².

1 Дьякова 2016, 101.

2 Розенталь 2019, 24.

Э.С. Дабагян также рассматривает другой переломный момент жизни Венесуэлы – 2002 г., в течение которого прошла масштабная забастовка персонала нефтяной компании PDVSA, а также попытка отстранения от власти У. Чавеса военным путем. Пutsch провалился, но его последствия отразились на направлении внутренней политики в отношении военных. Вооруженные силы стали одним из важнейших лояльных ресурсов чавистов, обеспечивавших стабильность режима¹. Автор анализирует шаги, постепенно трансформировавшие круг полномочий основных ветвей власти. Он отмечает, что на начальном этапе «особенность политического устройства заключалась в том, что номинально продолжали существовать и функционировать такие институты представительной демократии, как парламент и судебные органы, регулярно проводились выборы всех ветвей власти, легально действовала оппозиция. Но создаваемая система отличалась своеобразием и была нацелена исключительно на выполнение указов и распоряжений первого лица» (с. 44). Бойкот оппозицией парламентских выборов 2005 г. по факту укрепил действовавшую власть. Американский политолог Стивен Левицки обозначил венесуэльский режим как конкурентный авторитаризм (с. 46). Представляется, что для ситуации первой декады века оценка была актуальной, однако дальнейшая траектория развития политического процесса в латиноамериканской стране отошла и от этой, весьма условной формулировки.

Пошаговое изменение базовых законодательных основ ветвей власти усилило зависимость страны от личностных характеристик политического лидера. Апелляция к желаниям народа вновь выдвигала такое специфическое для политического жизни явление, как каудильизм, на авансцену. Замена в общественном дискурсе категории «президент» на «национальный лидер», а электоральной борьбы на «желание народа» – все это выводило отношения власти и граждан за пределы устойчивого конституционного поля. Аргентинский социолог Н. Сересоле писал: «В декабре 1998 г. венесуэльцы избрали не просто президента, а национального лидера. Он должен оставаться на вершине политического Олимпа до тех пор, пока люди не откажут ему в доверии»². Позднее эта политическая философия была развита и углублена самим президентом, заявившим: «Если народ пожелает, то нельзя лишать его права переизбирать любого соотечественника в третий, четвертый, пятый или шестой раз, чтобы тот мог управлять государственным кораблем» (с. 48). Впоследствии этот расшатанный механизм государственного устройства достался в наследство стране после ухода из жизни Уго Чавеса.

В книге значительное место также уделяется правлению Николаса Мадуро. Это объяснимо, поскольку современное течение процессов воспринимается наиболее остро. Подробно рассматривается история противостояния правящего режима и оппозиции, приводятся результаты электоральных кампаний, проходивших с 2013 г. Важной вехой, изменившей отношения власти и оппозиции, стало ухудшение макроэкономической ситуации и падение цен на нефть (с. 55). Изменение глобальной конъюнктуры на углеводородное сырье стало серьезным ударом по стабильности выстроенной социальной модели, но истоки ее проблем лежали во внутреннем пространстве. К их числу автор относит разрушенный государственный аппарат, разбухшую бюрократию, галопирующую инфляцию и ряд других.

В этом ключе значимыми стали шаги, модифицирующие ветви власти, – создание нового органа, Национальной конституционной ассамблеи. Сформированная для фактической замены оппозиционной Национальной ассамблеи, она производила впечатление не только перечнем фактических полномочий, но и принципами формирования ее состава (с. 62). По сути получился квази-сословный орган, где, помимо территориаль-

1 Пятаков 2019, 23.

2 Дабагян 2013, 137.

ных представителей, места получили специальные категории – рабочие, крестьяне и рыбаки, студенты, пенсионеры, посланцы коммунальных советов, бизнесмены и инвалиды.

Автор книги настаивает, что предпринимаемые властью шаги по тактическому переигрыванию оппозиции отражают именно каудильизм ее лидера Н. Мадуро (с. 59). Передача фактических законодательных прав Национальной конституционной ассамблее стала новым витком политического кризиса в стране. В целом описание противостояния между властью и оппозицией демонстрирует разрушение механизма политического диалога. Спираль истории, закручивающаяся вокруг нынешнего положения дел, все активнее подводит к водоразделу, где набор инструментов выхода из сложившейся ситуации стремительно сужается.

В завершение книги Э.С. Дабагян отмечает, что «на протяжении истории Венесуэлы XX – начала XXI в. происходило непрекращающееся острое противостояние двух противоположных моделей – авторитаризма и демократии, которое стало неотъемлемой частью политического процесса» (с. 69). Такое противостояние становится актуальным для многих стран мира. Рассмотрение феномена каудильизма на примере политической истории Венесуэлы дает нам новую оптику для анализа современных авторитарных форм. В период глобальной неопределенности патерналистские модели взаимодействия с гражданами получают новое дыхание и становятся частью политического пространства целого ряда стран. Будем надеяться, что поиск выхода из современных кризисов будет способствовать усложнению общественных структур и созданию прочных законодательных фундаментов дальнейшего развития.

→ Список литературы / References

Дабагян, Э.С. Уго Чавес: штрихи к политическому портрету (1954–2013) // *Новая и новейшая история*. – 2013. – №6. – С. 134–156. [Dabagyan, E.S. "Ugo Chaves: shtrikhi k politicheskomu portretu (1954–2013)" [Hugo Chávez: additions to a political portrait (1954–2013)]. *Modern and Contemporary History* 6 (2013): 134–156.] [In Russian]

Дьякова, Л.В. Проблемы латиноамериканской демократии в интерпретации исследователей // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2016. – №3. – С. 101–109. [D'yakova, L.V. "Problemy latinoamerikanskoi demokratii v interpretatsii issledovatelei" [Problems of Latin American democracy as interpreted by researchers]. *World Economy and International Relations* 3 (2016): 101–109.] [In Russian]

Пятаков, А.Н. Вооруженные силы Венесуэлы: эпоха Уго Чавеса // *Латинская Америка*. – 2019. – №6. – С. 18–38. <https://doi.org/10.31857/S0044748X0005097-5>. [Pyatakov, A.N. "Vooruzhennyye sily Venesuely: epokha Ugo Chavesa" [The Armed Forces of Venezuela: the age of Hugo Chávez]. *Latinskaya Amerika* 6 (2019): 18–38.] [In Russian]

Розенталь, Д.М. Анатомия политического кризиса в Венесуэле // *Пути к миру и безопасности*. – 2019. – №1 (56). – С. 22–33. <https://doi.org/10.20542/2307-1494-2019-1-22-33>. [Rozenal', D.M. "Anatomiya politicheskogo krizisa v Venesuele" [Anatomy of a political crisis in Venezuela]. *Pathways to Peace and Security* 1 (2019): 22–33.] [In Russian]

Росс, М. Политические аспекты «ресурсного проклятия»: общий обзор // *Неприкосновенный запас*. – 2019. – №4 (126). – С. 35–65. [Ross, M. "Politicheskie aspekty 'resursnogo proklyatiya': obshchii obzor" [The politics of a 'resource curse': a review]. *Neprikosnovenniy zapas* 4 (2019): 35–65.] [In Russian]

Шулговский, А.Ф. Теория «демократического цезаризма» и венесуэльская действительность (социологические заметки) // *Венесуэла: экономика, политика, культура* / отв. ред. С.А. Гонионский. – М.: Наука, 1967. – С. 109–140. [Shul'govskii, A.F. "Teoriya 'demokraticheskogo tsezarizma' i venesuel'skaya deistvitel'nost' (sotsiologicheskie zametki)" [The 'democratic Caesarism' theory and Venezuelan reality (sociological notes)]. In *Venezuela: economy, politics, and culture*, edited by S.A. Gonionskii, 109–140. Moscow: Nauka, 1967.] [In Russian]

Caudillism in Latin America: a comeback from oblivion

N.Y. Kudayarova

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-3-101-107>

Nadezhda Yu. Kudayarova, Ph.D. (History), Lead Research Scientist, Center of Political Studies, Institute of Latin America, the Russian Academy of Science, Moscow (Russia)

E-mail: n.kudayarova@yandex.ru

For correspondence: 115035, Russia, Moscow, B. Ordynka St., 21/16

For citation: Kudayarova N.Y. Caudillism in Latin America: a comeback from oblivion. *Cuadernos Iberoamericanos* 8, no. 3 (2020): 101-107. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-3-101-107>.

Book under review: Dabagyan E.S. Venezuela: moving in a spiral. Moscow: ILA RAS, 2020.

Received: 30.11.2020

Accepted: 29.12.2020

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the author.